

В. Н. Ярхо

НОВЫЙ ПАПИРУСНЫЙ ОТРЫВОК ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПАРОДИЙНОГО ЭПОСА

В истории древнегреческого пародийного эпоса имеется достаточно белых пятен. Тому есть по меньшей мере две причины.

Прежде всего, не слишком обширны сохранившиеся тексты: целиком дошла только «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия») и сравнительно крупные фрагменты из «Аттического пира» Матрона. «Гастрономическую поэму» Архестрата из Гелы, которую обычно относят к той же «веселой поэзии» древних греков, скорее всего следует считать принадлежащей все же к жанру дидактической поэзии, хотя и с достаточно легкомысленным содержанием¹.

От остальных авторов пародий на эпос дошли крайне незначительные отрывки, либо вообще одни имена. Так, Гегемон с Фасоса (последняя треть V в.), которого Аристотель считал первым сочинителем пародий (Поэтика 2, 1448a 12—13), пользовался у афинян большим успехом; особенно известна была его «Гигантомахия»² — от нее, однако, не дошло ни строчки³, и все, чем мы располагаем из творчества этого разностороннего поэта (он писал также комедии и выступал, возможно, с пародиями на другие жанры, кроме эпоса⁴), — это 21 стих из пародийной эпической поэмы неизвестного содержания⁵ и два стиха из комедии «Филинна». Афиной (15, 697f—699c) сохранил заимствованные у Полемона-периегета сведения также о последующих представителях пародийного жанра. Не считая уже упомянутого Матрона из Питаны, в древности очень вы-

¹ Единственным сводом пародийного греческого эпоса до недавнего времени оставалось собрание П. Брандта: *Corpusculum poesis epicae Graecae ludibundae. I. Parodorum epicorum Graecorum et Arcestrati reliquiae*. Ed. P. Brandt. Lipsiae, 1888. Сейчас тексты, свидетельства, параллельные места из собрания Брандта прекрасно воспроизведены (с итальянским переводом) в сб.: *Poesia parodica Graeca a cura di E. Degani*. Bologna, 1982, 1983. Под руководством Дегани начата также работа над подготовкой критического издания Архестрата, Матрона и других поэтов этого жанра. Первый выпуск уже вышел: *Arcestrato di Gela a cura di O. Montanari. I. Testimonianze e frammenti*. Bologna, 1983. Одновременно с этим текст Архестрата, Евбея с Пароса и Матрона вошел под № 132—192, 410—412, 534—540 в капитальное издание: *Supplementum Hellenisticum ediderunt H. Lloyd-Jones, P. Parsons*. B.— N. Y., 1983.

² Афиной, 9, 407a; 15, 699a.

³ Поскольку Г. Е. Бен, автор ст. «Пародия» в «Краткой литературной энциклопедии», т. 5, с. 605, уверяет, что «до нас дошли, например ... „Гигантомахия“ Гегемона», мне остается только завидовать его осведомленности.

⁴ См. Kraus W. Hegemon. — In: *Der Kleine Pauly*, B. II, S. 967.

⁵ Интерпретацию дошедшего до нас отрывка автобиографического характера см. в ст.: *Wilamowitz-Möllendorff U. Lesefrüchte* 121. — *Hermes*, 1905, B. 40, S. 173—175 (= *Kleine Schriften*, B. IV, B., 1962, S. 219—221); см. также *Tammaro V. Hegem. 1 Br.* — *MCr.*, 1980/82, v. XV—XVII, p. 125.

⁶ *The Fragments of Attic comedy...* by J. M. Edmonds. V. I. Leiden, 1957, p. 812 (*Athen.*, 3, 108c).

соко отзывались об Евбее с Пароса, современнике Филиппа Македонского, и Беоте из Сиракуз (начало III в.) — от первого, написавшего четыре книги пародий, сохранилось два с половиной гомеровских гексаметра, примененных, естественно, к совершенно иной обстановке, от второго — ничего, кроме имени, как и от некоего Сопатра. Кроме мелких и разрозненных цитат из остальных авторов, вовсе не известных по имени⁷, следует упомянуть еще одного, тоже анонимного поэта, два отрывка из которого сохранил в своей «Александрийской речи» Дион Хрисостом (XXXII, 81 и 4). Первый, объемом в 36 стихов, изображает скачки в цирке и сопутствующую им шумную реакцию зрителей; другой, размером в 4 стиха, происходит, возможно, из той же поэмы, так как содержит описание игр в театре⁸. Поскольку Дион, не называя автора по имени, говорит о нем как своем современнике, его деятельность надо отнести примерно ко второй половине I в. н. э. Таким образом, хотя сохранившиеся тексты охватывают период почти в пять столетий, дошедший в них материал едва ли является достаточным для всесторонней характеристики жанра. О творчестве Гегемона, Евбея, Матрона, ближе нам не известного современника Диона мы можем во всяком случае утверждать, что предметом изображения для них служил современный им быт (пиры, параситы, мастеровые, театральная публика), описываемый высоким стилем эпоса.

Другая ветвь эпической пародии может быть отнесена к жанру так называемого «звериного эпоса», и о нем мы до сих пор могли судить только по уже упоминавшейся «Батрахомиомахии»⁹. Здесь нас, однако, подстерегает другая трудность: серьезное расхождение между исследователями в датировке этой поэмы. На протяжении почти всего XIX в. господствовало представление о ее принадлежности к началу V в. до н. э. или даже более раннему времени. Этого же мнения придерживались советские¹⁰ и достаточно авторитетные иностранные ученые¹¹. Между тем еще в XIX в. голландец И. ван Герверден высказал сомнение в ранней датировке «Батрахомиомахии», исходя из наблюдений над ее языком¹². Эти сомнения, не во всем последовательные, получили поддержку на серьезном лингвистическом материале со стороны Я. Вакернагеля¹³, и к настоящему времени целый ряд специалистов склоняется к выводу о возникновении поэмы в позднеэллинистическое время, если даже не

⁷ Brandt. Op. cit., p. 96—100 = Degani. Op. cit., p. 154—156.

⁸ Brandt. Op. cit., 100—107 = Degani. Op. cit., p. 157—160. Фр. IX здесь не учитывается, так как не везде можно установить, где мы имеем дело со стихами, а где — с их прозаическим переложением.

⁹ Кроме «Батрахомиомахии», автором которой в древности считали Гомера (см. свидетельства в кн.: *Homeri opera recogn.* Th. W. Allen. T. V. Oxonii, 1912, p. 163 sq.), ему приписывались также недошедшие «Псаромахия» («Война со скворцами»), «Гераномахия» («Война с журавлями») и «Арахномахия» («Война пауков») — см. там же, с. 207 и 259. Однако уже из нашего перевода названий этих поэм видно, что с войне между животными речь могла идти только в последней из них. В двух остальных животные были, вероятно, лишь одной из воюющих сторон. В «Гераномахии» предполагают развитие сюжета, засвидетельствованного в «Илиаде», III, 3—6, — война пигмеев с журавлями. См. Janni P. *Etnografia e mito. La storia dei Pigmei*. Roma, 1978, p. 19. В «Псаромахии» получал, очевидно, развитие мотив, известный из басни Бабрия (I, 33), — борьба крестьянина со скворцами и галками, расхищающими его посевы. См. Wölke H. *Untersuchungen zur Batrachomyomachie*. Meisenheim am Glan, 1978, S. 99.

¹⁰ Альтман М. С. Война мышей и лягушек — вводная статья к одноименному изданию. М. — Л., 1936, с. VIII—XII; Радциг С. И. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. М., 1959, с. 116 сл.; Тронский И. М. История античной литературы. Изд. 3-е. Л., 1957, с. 74 сл.; Ярго В. Н. Греческая литература архаического периода. — В кн. История всемирной литературы. Т. I. М., 1983, с. 329.

¹¹ Schmid W. *Geschichte der griechischen Literatur*. B. I. München, 1929, S. 229 f.; Lesky A. *Geschichte der griechischen Literatur*. 3 Aufl. Bern — München, 1971, S. 111.

¹² Van Herwerden J. *De Batrachomyomachia*. — *Mnemosyne*, 1892, v. 10, p. 163—174.

¹³ Wackernagel J. *Sprachliche Untersuchungen zu Homer*. Göttingen, 1916, S. 188—199.

в эпоху Августа ¹⁴. Когда в датировке произведения возникает амплитуда в пять столетий и надо выбирать между периодом Греко-Персидских войн и началом Римской империи, это едва ли может оказать положительное воздействие на его историко-литературный анализ.

В этих условиях значительный интерес представляет любое новое свидетельство из истории древнегреческого пародийного эпоса. Такой новинкой и являются опубликованные в 1983 г. Германном Шибли полторы колонки папирусного текста из мичиганского собрания ¹⁵, содержащие около 40 стихов из поэмы, которая может быть названа «Галеомиомахия» («Война мышей с лаской» или «с ласками» ¹⁶). Папирус, относимый ко II—I вв. до н. э., извлечен из картонажа очередной мумии. В последнее время этот источник новых литературных текстов приобретает все большее значение, — как известно, таким путем уже были открыты отрывки из менаандровского «Сикионца» ¹⁷, эпиникия Каллимаха в честь Береники ¹⁸, фиванской поэмы Стесихора ¹⁹. Использованный для заворачивания мумии из Фаюма мичиганский папирус, как и остатки текста «Сикионца», служил жителям эллинизированного Египта уже в третий раз: литературный текст написан на палимпсесте, и остатки старой записи иногда затрудняют его прочтение. Самый крупный фрагмент (30,8 × 26,5 см) представляет собой, как уже было сказано, остатки полутора колонок. В первой, от верхнего поля до нижнего, сохранилась 31 строка ²⁰; три лакуны удачно восполняются мелкими обрывками а, б и с. Вторая колонка оборвана сверху на две трети: от ст. 32—49 уцелело кое-где по одному-два знака; ст. 51—60 благодаря присоединенному справа фр. d читаются почти целиком. У ст. 40 проставлена стихометрическая отметка Δ, обозначающая четырехсотый стих, — следовательно, дошедший отрывок отделен от начала поэмы 360 стихами. Еще две стихометрические пометки находятся на узких обрывках е и f: в первом случае это *альфа* или *лямбда* (т. е. сотый или одна тысяча сотый стих), во втором — *иота* (девятисотый стих). Стало быть, не известная нам ранее поэма была довольно значительного объема, превышая более чем в три раза «Батрахомиомахию» ²¹.

Время создания новой поэмы неизвестно. Судя по языку, она могла быть написана и в V и в III в. Поскольку, однако, никаких сведений о ее существовании для более раннего периода нет, остается предположить, что папирусный текст отстоит не слишком далеко от времени сочинения поэмы, которую надо, таким образом, отнести ко II в. до н. э.

Мы приводим ниже греческий текст, отмечая в аппарате только наиболее существенные предложения, не вошедшие в *editio princeps*. Доля

¹⁴ Maas P. Parodos. — RE, 1949, Hb. 36, Teil 3, S. 1685; Ahlborn H. Untersuchungen zur pseudo-homerischen Batrachomyomachie. Diss. Göttingen, 1959; *idem*. Einführung. — In: Pseudo-Homer, Der Froschmäuserkrieg..., B., 1968, S. 13—15; Kirk G. S. Formular Language and Oral Quality. — Yale Class. St., 1966, v. 20, p. 161—164; West M. L. Near Eastern Material in Hellenistic and Roman Literature. — HStCPh, 1969, v. 73, p. 122 f.; *idem*. Iambi et elegi Graeci. V. II. Oxonii, 1972, p. 94; Mette H. J. Batrachomyomachia. — In: Kleiner Pauly, I, 842. Обстоятельное рассмотрение вопроса, не оставляющее сомнений в поздней датировке, — Wolke. Op. cit., S. 46—70. См. рец. Дерани — Gnomon, 1982, B. 54, S. 618.

¹⁵ Schibli H. S. Fragments of a Weasel and Mouse War. — ZPE, B. 53, 1983, S. 1—25.

¹⁶ В папирусном отрывке действуют одна ласка, но это не исключает их участия во множественном числе, как в басенной традиции (см. ниже).

¹⁷ Троицкий И. М. «Сикионец» Менаандра. — ВДИ, 1966, № 4, с. 54—57.

¹⁸ Ярхо В. Н. Новые папирусные тексты в области древнегреческого эпоса и элегии. — ВДИ, 1983, № 3, с. 139.

¹⁹ Рыжкина Э. А. Новый вариант фиванского мифа: «Фиванда» Стесихора. — ВДИ, 1984, № 3, с. 112.

²⁰ Ст. 9 вписан той же рукой между ст. 8 и 10; стало быть, первоначально в колонке было 30 стихов.

²¹ Традиционное число стихов в «Батрахомиомахии» — 303, из которых свыше 30 признаются подложными, в первую очередь, ст. 42—52, 117, 210—222, 227, 281; в результате в изд. Аллена (см. прим. 9) остается 271 стих, в изд. Альборна (см. прим. 14) — 268.

участия других ученых, внесших свой вклад в расшифровку папируса, каждый раз указывается Шибли в примечаниях.

Col. I

-]ε νεῖκο[ς]...ως..[.....].οντες
]αντι γαλῆς εστ.[...].[
 4 [..][...][...].επ[.]ῶι προμάχιζεν ετ[.]ιδε Τρίξος
 [..]δησα.[.]ακτη [.]ένετ' ἐμ μύε[σ]σιν ἀριςτος
 [ἀ]λλ' οὐ μιν πάλιν αὐτις ἐδέξατο πατρὶς ἀρουρα.
 πρῶτον γάρ μιν ἐλούσα γαλῆ μέσσον διέβρυξεν
 τοῦ δὲ καὶ ἀμφιδρυφῆς ἀλοχ<ος> οἴκοι ἐλέλειπτο
 8 [τρ]ωγιδίωι ἐν θαλάμωι φρεσὶν αἰμόλῃ πολλ' εἰδυῖα
 [---]σεωνος θυγάτηρ καὶ ἐλίσσετο πολλὰκι τ'ἐξῶ
 [π]ημῆγαντα γαλῆς ἐμ μύεσσι γεγῶνει.
 [αὐτίκα] δ' ἄγγελος ἦλθε θεῶν ποσὶ καρπολίμοισι
 12 [..][.....]ης ὅς ἐν. ἐμ --- ὤ[.] μῶ[.]ν ἐνὶ δῆμωι
 καὶ [μ]ιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα
 [---]τέδην]ηκεν δὴ Τρίξος ἀμύμω[ν] ἐμ πολέμοισιν.
 [---] στενάχουσα παρειὰς τί[λλε]ς τε χαίτας..
 16 [.....] α.....[.] πόσιν αφ[.....].[
 [..][.....]διεπη ζεύγνυ κα[.]..απο..μ.[.]αν
 [..]ον [.....] αἵριε χαλινούσ' εἰς φ[ρ]ένας αἰμάς.
 ἦ ῥ' οἱ μὲν δαίνυντο θεοὶ κατὰ [μα]χρὸν Ὀλυμπον,
 20 [ἀ]λλ' ἀτ' ἐπὶ τρασιῆν [ῆ]εν Κυλλή[ν]ιος Ἐρμῆς,
 [..]ων[.]ριθωμ.. νων κα[.]..[....]εν ἐξεγενόντο
 [---] ρ --- ἀγροῦ σταφυ[....]...[.] ἀνὰ πάντας
 [ἀμπελε]ῶνα λιποντ.[.....]. θεοῦ αἶσα συνῆεν
 24 [---] ἐπὶ στρατιάν, [το]ύς δ' εἰσίδεν αἶψα κίον[τα]ς
 [---] ---, γαλέη καὶ ἐ[ῶ]ι προσελέξατο θυμῶι
 [ὦ μοι ἐγώ,] τί ποτ' ἀρ[α] μύε[ς] σ|υνελεχθεν ἀολοεῖς
 [---] --- μῆ δ' αὖ πολ[έ]μου μέγα νεῖκος ἀέξει
 28 [.....]α.[.]οροισι μυσὶν [καὶ] ἐμ[ο]ὶ περὶ νίκης..
 [.....]δ[.] καὶ ἐγώγ' ἐνθ[.....]εμ...[....]μαι ἤτορ
 [.....]χ.[.]μενησφον..[....]λη..
 [.....]χ.[.] εἰσῆλθε μετ[....]αδου .. πύθμην' ἐλαίης

Col. II (Vv. 32—50 litterae perpaucae)

- 51 [ο]ἱ Σπάρτην ἐνέμοντο [Π]όλου δ' ἱ[ερ]ὸν πολλ[ι]έθρον
 οὔτε γάρ εἰς πλίνθους οὐτ' εἰς ὄρ[ο]φῆ[ν] ἀν[έ]βαινον,
 ἀλλ' ἐν ἀρουραίοις πεδίοις ἐνέμοντο καὶ ὄ[λ]αις.
 54 οὗτοι δ' ἄρ' ἠγερέθοντο γαλῆ[ς] ἐς φύλο[πι]ν αἰν[ί]ην.
 τοῖσι δὲ καὶ μετέειπε Μυ[λ]εὺς ὅς [..]..
 ἦν γάρ τ' οὐδὲ πόδεσσιν ἐτ' ἄρτιος, ἀλλὰ [σ]αφ[έ]ρων
 τοῖσι δ' ἐν ἔπρεπε πᾶσι παλαιὰ τε π[ο]λλὰ τε εἰδώς
 58 ὃ σφιν εὐφρονέων ἀγορήσατο καὶ [μετέειπεν]
 ἦτιδ' ἐγὼ τάδε [π]άντα, μύε[ς], πα[ρ]ὰ πατρός ἀκούσας
 ἡμετέρου κείν[ο]ς δ[.....]λαα..

Apparatus criticus

- 2 ἐς Τ'ρ'ι[ξο]ν || 3 ἐγ[θρ]ῶι ego || 4 [π]η[δ]ήσας [τ']ακτη[ν] || 12 [Ἀ]ρ[ε]α[χ]ιδ[ι]ης
 West; [Τ]ρ[ω]φ[ά]ρτης || 15 [δ]άψε δέ; [ῆ] δ' δέξ[ε] στενάχουσα παρειὰς τυ[πτε]το
 χαίτας || [τίλλου]ς Burkert || 18 [θυμ]ὸν [δ'] αὐτις αἵριε || 23 [κευθμ]ῶνα; λι-
 πόντα[ς] ἐπε[λ] West || 29 ἐμπα[ζο]μαι ἤτορ

Содержание нового отрывка в целом достаточно понятно. В самом начале мы встречаем имя лучшего и безупречного (4, 14) мышиного героя

Трикса — по ассоциации с одним из значений глагола τρίζω («пищать, визжать») по-русски лучше всего назвать его Пискуном²². Итак, Пискун пал в борьбе с лаской, которая загрызла его, схватив поперек живота, и родной земле не суждено принять его прах (5—6). Оставшаяся дома супруга, еще не зная о печальной участи мужа, тем не менее находится в сильном волнении: она то раздражает себе щеки, то в беспокойстве выбегает наружу из норы (7—9). С известием о несчастье, постигшем мышей (10), торопится на родину Пискуна вестник (11—13), сообщая одной фразой о гибели героя (14). Следуют реакция супруги (15—16), и, очевидно, попытка вестника призвать ее к благоразумию (17—18). Ненадолго действие переносится на Олимп (19), результатом чего, как видно, является отправление Гермеса к мышам — он считает, что найдет их скорее всего в том месте, где для просушки на специальной плетенке (τράχιη) раскладывают смоквы — любимое лакомство маленьких хищников (20). Оставив соседний виноградник (ἀμπέλαιον) или норы (κενύδαιονα), мыши сходятся на общеовойсковое собрание (21—24). Ласка, видя это, с тревогой ожидает начала крупных военных действий (24—29) и почему-то забирается в отверстие между корнями оливы (31). Следующая за тем лакуна содержала, по всем признакам, перечень мышиных контингентов (ср. каталог кораблей во 2 кн. «Илиады»), который заканчивается в ст. 51—53: на войну собрались также мыши из Спарты и Пилоса, и притом не изнеженные домашние, а полевые²³ и лесные; их характеристика завершает каталог (54). Начинается народное собрание, к которому обращается самый умный и многознающий из мышиных вождей Μυ[λ]εός (55—58). Имя его проще всего связать с μύλη — «мельница»: он из тех мышей, что кормятся просыпавшимся зерном; по-русски назовем его Мельничим. От речи Мельничего сохранилось только начало: он предвидел наступление тех событий, которым суждено теперь развернуться (59—60).

Как видно, даже в небольшом отрывке используются постоянные мотивы героического эпоса: единоборство с опасным противником и гибель героя; олимпийский план; отправление на землю вестника богов; сборы войска и его каталог; речь умудренного жизненным опытом вождя. Все это излагается языком, близким гомеровскому (подробнее об этом ниже), и чтобы были вполне ясны пародийные интонации нового фрагмента и в стилистическом отношении, мы рискуем привести его здесь в стихотворном переводе (в ст. 18 использовано чтение, предлагаемое в аппарате).

- 3 среди первых Пискун подвизался,
. был из мышей он храбрейшим.
Но не вернулся он больше в отчую землю родную,
Ибо, схватив посеред, раньше всех его ласка загрызла.
Дома осталась супруга, нещадно терзая ланиты,
8 В гладкообкусанной спальне. Хоть в мыслях была и разумна
Дочь . . . сеона царя, все ж наружу она выбегала.
Вот какое несчастье от ласки мышам приключилось.
Тотчас стремительным шагом помчался к супруге глашатай.
12 в мышином народе.
И, обратившись к ней, слова он крылатые молвил:
«Умер Пискун, что в сраженьях всегда у нас был безупречен».
Горько стеная, власы вырывать и терзать свои щеки
16 Стала она по супругу...
«. обуздай...
. не тревожь наши души».
Боги меж тем пировали на гордой вершине Олимпа.

²² Ср. μύς τρίζων — Бабрий, 108, 23, и другие параллельные места у Шибли (ор. cit., S. 2).

²³ К ἀρουραίους в связи с делением мышей на городских и сельских см. у Шибли (ор. cit., S. 24).

- 20 К месту где сушатся фиги, Гермес поспешил Килленийский.
(из всех своих нор) показались,
 Где полевой виноград на всех.
 Лозы оставивших,— к бою судьба их и боги собирали.
- 24 Тотчас, мышинные рати, грядущие купно на вече,
 Ласка, увидев, рекла своему беспокойному сердцу:
 «Горе мне, что это мыши во множестве здесь собрались?
 Вижу я, грозная брань и сражение тяжкое грянет,
- 28 Ежели мне и мышам за победу придется бороться.
гложет забота мне сердце».
- 31 под корнями оливы сокрылась.
- 51 ...Спарту они населяли и Пилоса город священный,
 И не в подвалах ютились, и на чердаки не взбирались —
 Жили в равнинах привольных и средь лесов густолистных.
- 54 С лаской на страшную битву так они собирались.
 Мельничий им возвещал, который...
 Не был он в беге искусен, но мыслил инаких мудрее,—
 Этим средь всех выделялся и многое прошлое ведал.
- 58 Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
 «Ведал я все это, мыши, отца поучения помня
 Нашего, он...»

Хотя содержание отрывка в целом сомнений не вызывает, ход событий, часть которых он представляет, остается не вполне ясным.

Совершенно очевидно, что Пискун находит свою гибель вдали от родины и что мышинное ополчение собирается затем из разных мест,— стало быть, в поэме описывалась война, происходившая на чужбине, и аналогия с Троянским походом напрашивалась сама собой, хотя мышам было вовсе необязательно совершать переправу за море. Дальше начинаются трудности. В сохранившемся тексте нет ни слова о том, почему Пискуну пришлось выйти на бой с лаской и что в это время делали другие мыши. Шибли (op. cit., S. 24 f.) предполагает, что Пискун играл роль Протесилая,— этот эпический герой, вынужденный отправиться на Троянскую войну сразу после первой брачной ночи, погиб в первом же сражении при высадке на морском берегу²⁴. Подтверждение отождествлению Пискуна с Протесилаем Шибли видит в том, что в начале нашего отрывка мог упоминаться морской берег (ἀκτὴ? 4), что Пискун, как и Протесилай, погиб первым из всего войска (6) и что ст. 7 за исключением одного слова (οἶκοι вместо Φυλάκη) совпадает со стихом из Гомера (Ил. II, 700), характеризующим состояние раню овдовевшей Лаодамии. Ни одно из этих соображений не представляется мне убедительным.

Во-первых, если даже будет доказано, что в папирусе речь шла про ἀκτὴ, этим понятием обозначается обычно крутой, скалистый берег,— для равнины Скамандра оно едва ли подходит²⁵. В нашем случае это мог быть обрывистый край какой-нибудь лужи, к которой Пискун прибежал напиться.

Во-вторых, из нового отрывка вовсе не следует, что Пискун сражался первым на виду у всего остального войска. Что делали остальные мыши во время его битвы с лаской, совершенно неизвестно,— похоже, что они вообще в ней участия не принимали и только гибель Пискуна побудила их к широкомасштабным военным действиям. Между тем в троянской эпопее сражение ахейцев с троянцами продолжалось и после смерти Протесилая. Грустное само по себе, это событие оказалось не более чем эпизодом в длительной войне, в то время как гибель Пискуна послужила для нее причиной. Поэтому я прихожу к выводу, что Пискун отправился

²⁴ См. Allen. Op. cit., p. 104 s.; 123 (= Paus., IV 2, 7); Apollod., Epit. III, 29 S.; Schol. Aristid., p. 671 s. = TrGrFr., Nauck² 1889, p. 563.

²⁵ У Аполлодора говорится только о том, что троянцы вышли встречать вражеский флот «к морю», ἐπὶ θάλασσαν.

один или с небольшой свитой на разведку или на переговоры во вражеский лагерь, как в свое время Тидей — в Фивы, где он тоже подвергся нападению из засады, но успешно отбил (Ил. IV, 384—398). Здесь Пискун и погиб — первым из своих «соотечественников» — от зубов коварной ласки²⁶, и, узнав о случившемся, мыши решили сплотиться перед лицом общего врага. С этим согласуется и дальнейшее развитие событий: вестник, сообщивший о смерти Пискуна, призывает его супругу не смущать боевой дух остальных мышей, а явившийся к ним Гермес побуждает их к «священной войне» против ласки. Только теперь, накануне важнейших событий, перечисляются, как у Гомера, контингенты, собравшиеся для ведения боевых операций.

Наконец, у Гомера супруга Протесилая изображается горюющей по мужу, уже зная о его гибели, — в новом эпосе супруга Пискуна только томится дурными предчувствиями, заставляющими ее не находить себе места. Этот мотив появляется в античной литературе впервые только у Овидия (Героиды, XIII), причем здесь Лаодамия мечется в безумном страхе туда и сюда (*hic illuc*, 34), подобно тому как покинутая супруга Пискуна выбегает наружу из норки (9). Я далек от мысли поставить стихи Овидия в зависимость от пародийной поэмы, — хочу только подчеркнуть, что ее автор помещает гомеровский стих в другую временную перспективу, чем автор «Илиады».

Следующий вопрос касается противника мышей. В нашем отрывке это одна ласка, которая именно поэтому испытывает тревогу при виде массы своих врагов. Но, конечно, не исключается, что в дальнейшем ей на помощь могли прийти ее сородичи, — не забудем, что новый отрывок принадлежал к началу примерно второй трети поэмы, и никто не может сказать, как описывался на протяжении еще 600 или даже 800 стихов дальнейший ход военных действий. Не очень ясно, чем были заняты и предшествующие 359 стихов. Шибли предполагает здесь пародийную аналогию к «Киприям», в которых содержалась предыстория Троянской войны от свадьбы Пелея и суда Париса. В «Батрахомиомехии» поводом к войне мышей и лягушек служит непреднамеренная гибель Псигарпага, и описание ее занимает не более 18 стихов, — при том, правда, что и вся поэма была раза в три короче новой «Галеомиомехии». По-видимому, для решения всех этих вопросов остается ждать удачного демонтажа очередной «литературно образованной» мумии.

В историко-литературном плане исследование нового отрывка может идти в двух направлениях. Можно ввести его в ряд уже известных «звериных» сюжетов, — в частности, достаточно распространенных в античности басен о войне мышей с ласками, которые в быту играли роль современных кошек²⁷; эта задача с исчерпывающей полнотой выполнена Шибли (op. cit., S. 7—12), и нет необходимости возвращаться к ней заново, хотя и остается достаточно спорным возведение греческого пародийного эпоса эпохи эллинизма к фольклорному мотиву об осаде мышами кошки, засвидетельствованному в египетских папирусах XIV—XII вв. до н. э. Во-первых, потому что египетский вариант принадлежит к сюжетам из области так называемого «перевернутого мира», в то время как

²⁶ Нельзя ли в ст. 3 найти подтверждение чтению $\epsilon\chi\theta\rho\omega\iota\ \pi\rho\omicron\mu\alpha\chi\iota\varsigma\epsilon\nu$? Тогда бы это подтвердило, что Пискуну пришлось первым встретиться с постоянным врагом мышей — лаской (ср. $\epsilon\chi\theta\rho\sigma\tau\omicron\varsigma\ \gamma\alpha\lambda\epsilon\eta$, Batr. 114). Правда, $\epsilon\chi\theta\rho\beta\varsigma$ приобретает значение «враг, противник» только в послегомеровской поэзии (Hes., Op. 342; Pind. Pyth. 2, 84; Aesch., Ag. 1374), но и наша поэма — отнюдь не современница Гомера.

²⁷ Первое по времени указание на существование подобных басен мы находим в «Осах» Аристофана, ст. 1181—1185. См. далее: Эзоп, 174 по Хаусрату; Федр, IV, 6; Бабрий, 31. Ср. также папирусные отрывки басен о войне мыши с лаской (в диалогической форме) и о браке мыши с лаской в ст.: Daris S. Papiri letterari dell' Università cattolica di Milano. — Aegyptus, 1972, v. 52, p. 91—96. О роли, которую могла сыграть «Галеомиомехия» в распространении сюжета о войне мышей с лаской на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э., см. Schibli H. Addendum to «Fragments of a Weasel and Mouse war». — ZPE, 1984, B. 54, S. 14.

греческие и римские басни дают более естественное завершение конфликта победой сильнейшего, и их нравственный пафос направлен совсем в другую сторону («величие пагубно для вождей»). Во-вторых, нужен ли иноземный источник, чтобы представить себе вражду между мышами и кошками (ласками)?

К новому папирусу можно подойти и с другой точки зрения — как к памятнику пародийного эпоса, проследить применяемые в нем приемы и сопоставить их с техникой других известных образцов этого жанра. Такую задачу Шибли перед собой, по-видимому, не ставил, хотя собранные в его статье параллельные места дают для этого широкие возможности. Сначала, однако, придется сделать отступление в историю древнегреческой пародии.

Вопрос этот — нелегкий, и не только по причине указанной недостаточности источников. Дело в том, что современное — и к тому же отнюдь не однозначное²⁸ — понимание пародии далеко не всегда совпадает с его античным пониманием. В древности исходным явился, скорее всего, термин *παρωδία*, обозначающий участника специального агона, который был составной частью более обширного состязания в других видах словесно-музыкального творчества. Аристотель, называя Гегемона первым сочинителем пародий (Поэтика, 2, 1448а, 12—13), имел в виду творчество именно таких «пародистов». Они явно не ставили перед собой какую-либо сатирическую цель; их задача — добиться комического эффекта применением эпического стиля к неэпическому содержанию. Об агонах этого рода сведения наши не очень богаты: не считая собственного свидетельства Гегемона, мы располагаем всего лишь двумя эпиграфическими памятниками для IV—III вв. (один из Эретрии, 340 г., другой из Дельфов, 236 г.) и, возможно, еще одной надписью II—III вв. н. э.²⁹ Ясно, что состязания эти носили не слишком регулярный характер. Сопоставляя данные первой надписи с автобиографическим фрагментом Гегемона, мы можем сделать вывод, что для участников агона устанавливались три премии — в 100, 50 и 10 драхм и что Гегемон при своем первом выступлении удостоился только второго места (см. прим. 5).

Другая трудность состоит в многообразии значений, которые вкладываются античными авторами в понятие *παρωδία*: «пародией» может быть названо и целое произведение, и использование различных комических приемов при цитировании (и видоизменении) текста известных поэтов и драматургов как в стихах (главным образом — в комедии), так и в прозе (ораторская речь, сатирический памфлет)³⁰.

Ближе всего к пониманию пародии в современном смысле слова находился уже упоминавшийся Полемон-периегет. Первым памятником пародии он считал четыре гексаметра, сохранившихся от Гиппонакта (фр. 126 Дегани, 128 Вест): эпическая фразеология использовалась здесь для изображения какого-то обжоры, причем, называя его Евримедонтиадом, автор явно намекал на его знатное происхождение. Таким образом, налицо употребление гомеровского стиля с целью сатирического обличенья, причем попутно деградировался и сам эпический колорит³¹. Дальше, впрочем, Полемон среди других авторов пародий называл как Эпихарма, Кра-

²⁸ Морозов А. Пародия как литературный жанр (К теории пародии). — Русская литература, 1960, № 1, с. 48—77.

²⁹ Degani E. La poesia parodica — appunti. — In: Poesia parodica... (прим. 1), p. 20—22.

³⁰ См. Householder F. W. *Παρωδία* — ClPh, 1944, v. 29, p. 1—9; Lelièvre F. J. The Basis of Ancient Parody. — GR, 1954, v. I, p. 66—81; Koller H. Die Parodie. — Glotta, 1956, B. 35, S. 17—32; Rau P. Paratragodia. München, 1967, S. 7—18; Schröter R. Horazens Satyre I. 7 und die antike Eposparodie. — Poetica, 1967, B. I, S. 10—14; Pöhlmann E. *Παρωδία* — Glotta, 1972, B. 50, S. 144—156; Wölke. Untersuchungen..., S. 178—184; Degani. Op. cit., p. 5—36 (с библиографией).

³¹ См. обширный аппарат к фр. 126 в изд. Дегани (Hipponactis testimonia et fragmenta, Lpz, 1983) и его же ст.: Ipponacte parodico. — MCr, 1973/74, v. 8/9, p. 141—167.

тина, Гермиппа, так и уже известных нам Гегемона, Евбея и Беота, смешивая два вида пародии, — эпическую, исполнявшуюся в специальных состязаниях, и драматическую, служившую актуальным средством сатиры и литературной критики, о чем в полной мере свидетельствует использование пародии в творчестве Аристофана.

Наконец, возвращаясь к пародиям на древнегреческий эпос, мы сталкиваемся с недостаточной расчлененностью в современном литературоведении понятий пародии и травести (бурлеска). Разделять два эти жанра настойчиво советовал еще автор вышедшего в 1821 г. «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопов, с чем соглашается и современный исследователь пародии³². Однако, когда дело доходит до конкретных случаев, классификация нередко становится затруднительной. Так, нет сомнения, что к жанру травести относятся обе «перелицовки» «Энеиды» — русская (Осипова и Котельницкого) и украинская (Котляревского). На П. Скаррона, родоначальника бурлеска в новой европейской литературе, ориентировался в своем «Елисее» и Вас. Майков, и его современники и ближайшие потомки воспринимали эту поэму именно в таком аспекте³³, что не мешает современным литературоведам находить в ней многочисленные примеры пародии³⁴. Различные определения прилагают исследователи античности и к интересующей нас ближе «Батрахомиомахии», называя ее и центоном, и травести и т. д.³⁵ Если исходить из того, что обязательным признаком пародии является существование «второго плана», т. е. литературного прототипа, с которым она соотносится читателем (для античности — также и слушателем), то «Батрахомиомахию» нельзя отрывать от пародии, поскольку в ней очевидно использование стилистических приемов эпоса, хотя по перенесению героических образов и ситуаций в «сниженные» обстоятельства эта поэма должна быть скорее названа травести.

Не вдаваясь в дальнейшие тонкости классификации, мы все же выделим в древнегреческой эпической пародии две разновидности жанра: а) «высокий стиль» используется для изображения «низменных» ситуаций и персонажей (сюда мы отнесем фрагменты Гипсонакта, Гегемона, Евбея, Матрона); б) герои и сюжетные элементы эпоса переносятся в несвойственную им, негероическую обстановку (сюда мы отнесем «Батрахомиомахию»)³⁶. Новый отрывок из «Галеомиомахии» должен принадлежать, очевидно, ко второй разновидности, но справедливость такой классификации необходимо проверить на стилистическом анализе дошедших до нас текстов. В них каждый стих может быть отнесен к одной из следующих категорий:

А. Стих, целиком заимствованный из Гомера (иногда — из Гесиода или гимнов) или с заменой в нем лишь одного слова. Например, фр. I Евбея представляет собой стих, без изменений перенесенный из Ил. XVIII, 534: «Они бросали друг в друга медные копья»; по свидетельству Полемона, стих этот относился к цирюльникам, — вероятно, швырявшим друг в друга щипцами для завивки волос. В другой раз (фр. II) спор шел между цирюльником и гончаром, и предметом его была женщина. Соответственно из «Илиады» были взяты полтора стиха (I, 275 и первое полустишие 277-го) с единственной заменой в конце первого из них: вместо *κοῦρῳ* было сказано *κοῦρεῖ*. Получалось: «Ни ты не отбирай (ее) у него, цирюльник. — Ни ты, Пелид» (имя горшечника «Пелид», естественно, ассоциировалось с *πῆλός* — «глина»).

³² Морозов. Ук. соч., с. 54.

³³ Десницкий В. О задачах изучения русской литературы XVIII в. — В кн.: Ироикомическая поэма. Л., 1933, с. 82 сл.

³⁴ Запалов А. В. Творчество В. И. Майкова. — В кн.: Майков Вас. Избранные произведения. М. — Л., 1966, с. 35, 39, 44 сл.

³⁵ Degani. La poesia parodica..., p. 25.

³⁶ На эти две разновидности пародии на эпос указал, в сущности, еще Сумароков в своей «Эпистоле о стихотворстве» (1747 г.) — см. Запалов. Ук. соч., с. 35.

Б. Стих, в котором целиком заимствовано гомеровское полустипение (в первой или второй половине стиха). Примеры: Гегемон, ст. 21, начинается: *καὶ τότε δὴ θάρσσσα* — «и тогда я осмелел (и запел вовсю)» — начало его взято из Ил. I, 92, с заменой 3-го лица глагола на 1-е. Там речь шла о Калханте, которому обещал свою защиту Ахилл («И тогда осмелел и стал вещать непорочный прорицатель»). Гиппонакт, фр. 126, ст. 4, завершается сочетанием *παρὰ θῖν' ἄλός ἀπρυγέτοιο*, как Ил. I, 316, 327; Од. VIII, 49 (*ἐπὶ θῖν'*); X, 179.

В. Стих, представляющий собой комбинацию гомеровских словосочетаний и приближающийся, таким образом, к центону. «Полноправных» центонов, отвечающих строгим правилам, которые со временем выдвигает Авсоний³⁷ (особенно — неизменяемость соединяемых половинок стиха), в наших памятниках совсем немного (Матрон, ст. 33; Батрахомиахия, 248). Гораздо чаще для получения нового стиха изменяется лицо или число глагола, падеж существительного, заменяется или добавляется какое-нибудь слово. Пример (Матрон, ст. 14):

ἐνθ' ἄλλοι πάντες || λαχάνοις ἐπὶ χειράς ἄλλον

Полустипение до цезуры («тогда все остальные») равно началу стиха в Од. I, 11 (с опущенным *μέν*); затем добавлено второе полустипение из Од. IX, 288, но с заменой *ἐτάροις* на соответствующее обстоятельству *λαχάνοις* и 3 л. ед. числа на множественное по образцу распространеннейшей в эпосе формулы, где она также завершает стих (Ил. IX, 91, 221; XXIV, 627; Од. I, 149; IV, 67 и еще 8 случаев). В оригинале было: (Киклоп) «протер руки» к товарищам Одиссея; здесь: «все остальные протерли руки к овощам»³⁸.

Г. Стих, в котором гомеровские словосочетания занимают ту же метрическую позицию, что и в эпосе. Примеры:

ἐγὼ δούστηνος — конец 1-й — начало 3-й стопы (Батрах., 112; Ил. XXII, 477);

μέγας οὐρανός — в 3—4-й стопе (Матрон, 12; Ил. V, 750);

θεὰ λευκώλενος — в 4—5-й стопе (Матрон, 38; Ил. I, 55);

εἶπε παραστάς — в 5—6-й стопе (Гегемон, 2; Ил. VI, 75).

Д. Стих, не содержащий эпических реминисценций.

Используя эту классификацию, рассмотрим несколько отрывков из дошедших до нас образцов пародийного эпоса. Поскольку в новом папирусном тексте стилистическому анализу (с учетом бесспорных дополнений) поддаются 35 стихов, мы постараемся и из более крупных поэм брать выдержки примерно того же объема.

Оставляя в стороне слишком краткий фрагмент из Гиппонакта, начнем с отрывка, уцелевшего от Гегемона. Содержание его, как видно, автобиографическое и в этом смысле напоминает известный рассказ о себе у Гесиода (Труды, 650—659). Поэт повествует о не слишком приветливом приеме, который оказали ему его соотечественники при возвращении на Фасос. По-видимому, они упрекали его в том, что он взялся за ремесло пародиста, и он, оправдываясь, ссылался на бедность, которая и многих других жителей острова побуждает искать счастья на чужбине. Из текста можно также заключить, что, выступая перед афинянами, он получил 50 драхм (ст. 16—17), т. е. вторую премию³⁹. Дальнейшие его размышления прервала появившаяся рядом с ним Афина; ударив его золотым жезлом и обратившись к нему с прозвищем «Отвратительная похлебка» (*Φακή βδελυρή* — очевидно, так его прозвали на родине за бедность), она велела ему отправляться на состязание. Осмелев, он запел вовсю... — здесь цитата обрывается.

³⁷ Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны. — В кн.: Памятники книжного эпоса. М., 1978, с. 198.

³⁸ Техника пародирования, обозначенная буквами А — В, находит себе соответствие в приемах возбуждения смеха, о которых — применительно к ораторскому искусству — говорили Цицерон (Об ораторе, II, 256 сл.) и Квинтилиан (VI, 3, 96 сл.).

³⁹ Körte A. Hegemon von Thasos. — RE, 1912, B. VII, 2, S. 2595 f.; Wilamowitz-Möllendorff. Op. cit.

Что касается предложенной выше классификации приемов пародирования, то ее приложение к Гегемону дает следующие результаты ⁴⁰: А. Ст. 13 = Ил. II, 101 с заменой $\delta\eta\lambda\omega\nu$ на $\delta\iota\chi\omega\nu$ (1 случай). Б. Окончание ст. 8 = второму полустихию в Ил. XI, 83. Начало ст. 15 = первому полустихию в Ил. VI, 459; сходство с гомеровским стихом подчеркивается также причастными формами женского рода в окончании: $\epsilon\sigma\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\alpha$ — $\chi\epsilon\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu$. Начало ст. 21 = первому полустихию в Ил. I, 92. Всего в разделе Б — три случая. В. Еще три случая приближаются к центам из различных гомеровских словосочетаний: ст. 1, 18, 19. В последнем из них гомеровское $\chi\rho\upsilon\sigma\epsilon\omicron\nu\ \lambda\acute{\upsilon}\chi\omega\nu\ \epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha$ (Од. XIX, 34) заменено на $\chi\rho\upsilon\sigma\epsilon\omicron\nu\ \rho\acute{\alpha}\beta\delta\omicron\nu\ \epsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha$, при том, что «золотой жезл» Афины встречается в Од. XVI, 172; пятую и шестую стопы занимает словосочетание $\epsilon\dot{\iota}\pi\acute{\epsilon}\ \tau\epsilon\ \phi\omega\nu\eta\tau\epsilon$, составленное из слов, занимающих те же позиции в Ил. VII, 277 и III, 161. Г. Гомеровские словосочетания употребляются в тех же ритмических позициях в ст. 2, 5, 6, 7, 9, 10, 12. Явно пародийный характер носит ст. 3, хотя позиционно он не повторяет гомеровских моделей.

Все отмеченные приемы «высокого» стиля используются, как видно уже из содержания отрывка, для воспроизведения отнюдь не возвышенных ситуаций: в вернувшегося на Фасос Гегемона швыряют кусками навоза (ст. 2); его называют «отвратительнейшим» ($\beta\delta\epsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ на месте гомеровского $\epsilon\kappa\pi\alpha\gamma\lambda\omicron\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$) из всех людей (см. 3); сам он признается, что испытывал нужду в хлебе (ст. 10); жена его печет вместо большого ритуального хлеба какую-то жалкую лепешку (ст. 14—16).

Если из столь незначительного по объему материала позволительно делать какие-то выводы, то можно заметить, что число стихов, ближе всего соприкасающихся с Гомером (А, Б, В), составляет одну треть объема; столько же дает группа Г, а взятые вместе (с прибавлением ст. 3) группы А — Г составляют свыше 70%. Без гомеровских реминисценций остается 6 стихов.

Более наглядная картина создается при стилистическом анализе пародийного «Аттического пира», принадлежащего Матрону из Питаны ⁴¹. Большой фрагмент в 122 стиха, несмотря на очевидные лакуны, дает достаточное представление о содержании и стиле произведения в целом. Это — картина пира, данного однажды афинским оратором Ксеноклом, и выставленных для гостей яств. Автор дает также характеристику отдельных участников, среди которых мы встречаем ритор Стратокла, позорно лывившего Антигону и Деметрию ⁴², и парасита Хэрефонта, известного по комедиям Менаандра и его современников ⁴³. Таким образом, время действия в поэме Матрона следует отнести к самому концу IV в. ⁴⁴.

Метод работы Матрона становится ясен в самом же начале его «Пира». В первом стихе «Одиссеи» $\alpha\upsilon\delta\rho\alpha$ заменяется на $\delta\epsilon\dot{\iota}\pi\nu\alpha$, а $\kappa\omicron\lambda\upsilon\tau\rho\omicron\upsilon\pi\omicron\nu$, $\delta\epsilon\ldots$ — на $\kappa\omicron\lambda\upsilon\tau\rho\omicron\upsilon\pi\omicron\ \kappa\alpha\iota\ldots$. Получается: «Муза, воспой пиры многоблюдные и весьма обильные, которыми угощал нас в Афинах ритор Ксенокл» (ст. 1—2). Следующий стих воспроизводит Од. VI, 164 с совсем маленькой заменой: вместо $\lambda\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ в конце стиха ставится $\lambda\iota\mu\acute{\omicron\varsigma}$. Получается: «Пришел и я туда, и меня сопровождал огромный голод». Не менее комическое впечатление производят центы с неожиданной концовкой. Таков, например, ст. 8: $\sigma\tau\eta\delta\alpha\rho\epsilon\pi'\ \omicron\upsilon\delta\omicron\nu\ \iota\omega\nu\ \parallel\ \sigma\chi\epsilon\delta\omicron\delta\epsilon\nu\ \delta\epsilon\ \omicron\iota\ \eta\nu\ \kappa\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\tau\omicron\varsigma$. Полустихие до цезуры = Од. XX, 128; после цезуры — из Ил. XVI, 800, где в оригинале стих завершается: $\eta\nu\ \delta\lambda\epsilon\delta\rho\omicron\varsigma$. У Матрона получается: «Так он сту-

⁴⁰ Здесь и в дальнейшем при классификации и подсчетах я использую параллельные места из Гомера, собранные в издании Брандта (прим. 1).

⁴¹ Diehl E. Matron. — RE, 1930, Hb. 28, S. 2298—2300.

⁴² Плутарх. Деметрий, XI, XXIV.

⁴³ Менаандр. Самиянка, 603; фр. 51, 245, 265, 304 R-T; Алексид, фр. 210, 257; Тимокл, фр. 9; Тимофей, фр. 1 (нумерация по Эдмондсу).

⁴⁴ С этим совпадает упоминание в фр. VI Евбея Паросского, современника Филиппа Македонского, как уже умершего.

пил на порог, и к нему парасит приближался» (у Гнедича: «...приближалась бо к Гектору гибель») ⁴⁵. В целом взятые нами для стилистического анализа первые 40 стихов из поэмы Матрона дают следующую картину.

В группе *A* набирается 14 стихов (1, 3—7, 19—21, 23, 34, 36, 37, 40). В группе *B* (повторяется второе полустушие) — 3 стиха (9, 30, 31). Стихов, приближающихся к центону (с незначительным добавлением или неожиданным завершением), т. е. входящих в группу *B*, — шесть (8, 14, 31, 33, 38, 39). Суммируя группы *A* — *B*, получаем 22 стиха (при том, что ст. 31 попадает в группу *B* и в группу *B*) или 55 % всего текста. В группе *Г* оказывается 20 случаев, охватывающих еще 16 стихов (10—13, 15, 16, 22, 24—29, 32), т. е. 40 %. Совсем без гомеровских реминисценций остается всего два стиха — 2 и 17 (5 %). А. Лески, упоминая Матрона, полагает, что здесь мы имеем дело не столько с пародией, сколько со стремлением приспособить эпический стих к задачам, для которых он не создавался, и видит в этом предвосхищение эллинистических стилистических экспериментов ⁴⁶. Однако Полемон без обиняков называл Матрона *παρωιδός*, и я думаю, что применение эпического стиля к такому сюжету, как описание пиршественных блюд и драки между гостями за лакомый кусочек, является самой настоящей пародией.

Если мы теперь обратимся к «Батрахомиомахии», то в употреблении пародийных приемов мы увидим несколько иную картину. Возьмем опять же число стихов, примерно равное тому объему текста, который мы использовали из поэмы Матрона, а по содержанию — такие отрывки, которые как-то перекликаются с новым папирусом. Это будут ст. 99—121 (за вычетом неподлинного ст. 117), описывающие гибель Псигарпага («Крохобора»), собрание мышей и речь Троксарта («Хлебогрыза»); затем ст. 132—143 — совещание лягушек и речь мышиного глашатая; наконец, ст. 260—269 (за вычетом неподлинного 262а, но с сохранением ст. 264) — выступление мышиного героя Меридаппага («Блюдоцапа»), приходящего, как Ахилл, в критическую минуту на помощь своим соратникам. Всего у нас получится 44 стиха.

При сопоставлении этих отрывков с гомеровским эпосом мы замечаем, что в них совершенно не используются гомеровские стихи с заменой одного-двух слов; один раз полностью воспроизводится гомеровская строка (269 = Ил. VIII, 132); семь раз повторяются (иногда с легким видоизменением) гомеровские полустушия (100, 104, 110, 121, 134, 139, 140); три стиха мы можем отнести к типу центонов (136, 264, 268). Всего в группах *A* — *B* получается 11 стихов, т. е. 25 % текста. Несколько больше случаев употребления гомеровских слов и словосочетаний в той же позиции, что и в эпосе (группа *Г*), — они встречаются в 14 стихах (103, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 118, 137, 142, 143, 260, 261, 262), что составляет 32 %. Без ярко выраженных гомеровских реминисценций остается 43 % стихов.

Возникает, следовательно, любопытная картина. Гегемон и Матрон, изображая обстановку, чуждую эпосу, используют эпический стиль значительно шире, чем «Батрахомиомахия», воспроизводящая к тому же сюжетные ситуации эпоса (причина возникновения войны, сборы войска, речи героев, совещание богов на Олимпе, сражения). Можно, очевидно, сказать, что в первом случае пародируется стиль героического эпоса путем его снижения до описания негероического быта (пародия в собственном смысле), во втором — его содержание путем перенесения героических подвигов в среду мышей и лягушек (трагедия, хотя и с использованием пародийных приемов).

⁴⁵ В отдельных случаях комический эффект может создаваться и явной бессмыслицей, достигаемой сочетанием эпической и бытовой лексики, — например, в ст. 20, 23, 31, 34, 39. Ср. Wilamowitz-Möllendorff U. Lesefrüchte 175. — Hermes, 1923, B. 58, S. 73—79 (= Kleine Schriften, B. IV. B., 1962, S. 330—334).

⁴⁶ Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. 2. Aufl. Bern — München, 1963, S. 687.

Какое место занимает в этой классификации новый папирусный отрывок? По его содержанию мы можем ожидать большего сходства с «Батрахомиахией», чем с Гегемоном и Матроном, — эпические ситуации и здесь переносятся в негероическую среду мышей. Однако стилистические наблюдения заставляют нас быть осторожнее: объектом пародии в «Галеомиахии» служит не только сюжет, но и стиль оригинала.

Из 35 стихов, поддающихся стилистическому анализу, три входят в группу А. В том числе ст. 13 — постоянная гомеровская формула (Ил. I, 201; Од. I, 122 и еще свыше 40 случаев в обеих поэмах, из них — 6 раз с вариантом *πρωτόν*; гимн Герм., 435; гимн Дем., 320). Ст. 58 — другая формула введения прямой речи (ср. Ил. I, 73; Од. II, 160 и еще 13 раз в обеих поэмах). Ст. 7 = Ил. II, 700 с заменой конкретного обозначения *Φάλαγγι* на более общее *οἰκοί* («дóма»).

Группа В представлена двумя примерами. В ст. 55 — начальное формульное полустипение *τοῖσι...μυτέετε* (см. Ил. II, 336; Од. II, 157 и еще 13 раз в обеих поэмах). Ст. 55 вместе с целиком формульным ст. 58 оформляют все четверостишие по образцу Од. II, 157—160. Формульный характер носит и завершающее полустипение в ст. 57 (*πῆλαία...εἰδώς* — ср. Од. II, 188; VII, 157; XXIV, 51).

В шести случаях стихи близки к центонам (группа В). Так, объединенные в ст. 56 в одно предложение вводное *ἀλλ'* с отрицанием *οὐ*, обстоятельство *μιν πάλιν αὖτις*, подлежащее *πατρὶς ἀρουρά* встречаются у Гомера в разных местах⁴⁷, но, собранные вместе в один стих, они производят впечатление подлинного эпического стиля, хотя и юмористически окрашенного: высоким слогом повествуется о гибели мыши⁴⁸. Так же составлены ст. 54, где все члены предложения гомеровские, кроме *γαλῆς* (введение которой, естественно, разрушает «героический» эффект стиха), и совершенно центонный ст. 19, сам по себе не звучащий комически, но, конечно, вызывающий улыбку введением олимпийского плана в повествование о переживаниях вдовы-мыши. Такой же центонный характер носят ст. 11, 15, 51. (Стилистические параллели к ним, как и к ранее рассмотренным, исчерпывающе собраны в статье Шибли). Стихи из групп А — В дают 34% текста.

Наибольшим числом примеров эпического стиля представлена группа Г (гомеровские словосочетания в той же ритмической позиции). Вот некоторые из них:

- в начале стиха: *πρωτόν γάρ μιν* (6; ср. Ил. IV, 480);
- во 2-й — 3-й стопе: *ἐν θαλάμῳ* (8; ср. Ил. III, 382; Од. XVII, 506 и еще 4 раза);
- в 3-й — 4-й стопе: *ἀνδρῶν* (14; ср. Ил. VI, 190; Од. XIV, 508);
- в 4-й — 5-й стопе: *μέγα νεῖκος* (27; ср. Ил. XIII, 122; Од. XVI, 98 и еще 3 раза);
- в 5-й — 6-й стопе: *ἐνὶ δῆμῳ* (12; ср. Ил. XVIII, 295; Од. I, 237 и еще 7 раз).

Аналогичная техника — в ст. 9, 10, 12, 18, 20, 21, 24, 28, 29, 31, 59 — всего 15 стихов (43%); к тому же гомеровские завершения стихов 5, 11 и 15 вошли в предыдущую группу⁴⁹. Добавим к этому, что эпическое окончание пяти стихов подряд (8—12) или восьми (24—31), хоть и с некоторыми пропусками, несомненно придает достаточно крупным отрезкам текста «героическую» окраску. В сумме группы А — Г составляют 77% всего текста, при том, что в одном и том же стихе могут употребляться два приема или один и тот же прием — дважды.

⁴⁷ *ἀλλ'οὐ* — Ил. I, 24; Од. XIX, 591; *μιν...αὖτις* — Ил. II, 276; *πάλιν αὖτις* — Од. XIV, 356; *πατρὶς ἀρουρά* — Од. I, 407; X, 29; XX, 193 (везде в конце стиха).

⁴⁸ Вдобавок *ἀρουρά* еще ассоциируется с *μῦς ἀρουραίος* «полевой мышью». См. Schibli. Op. cit., S. 18, 24 (ad v. 5, 53).

⁴⁹ Гомеровские словосочетания, но в другой метрической позиции — ст. 23 и 51.

Если мы теперь расположим известные нам произведения пародийного эпоса, от Матрона до «Батрахомиомахии», в принятом нами хронологическом порядке (Матрон — конец IV в., «Галеомиомахия» — II в., «Батрахомиомахия» — I в. до н. э.), то увидим, что со временем происходит постепенное удаление пародийных поэм от стиля эпоса: «гомеровский» колорит, выражаемый количеством стихов, наиболее близких к эпическому языку, снижается от 95 % через 77 % к 57 %. Разумеется, 35 стихов нового папирусного отрывка — слишком незначительный объем текста, чтобы выводы из их стилистического анализа можно было признать окончательными, но расчеты, произведенные по нашей классификации над полными текстом Матрона и «Батрахомиомахии», дают для обоих памятников, находящихся на крайних полюсах шкалы, те же соотношения ⁵⁰.

Отсюда следует вывод, что пародирование эпоса все меньше ставит своей целью искусную комбинацию элементов героического стиля ⁵¹, делая объектом пародии его содержание, — однако отнюдь не в плане идейной с ним полемики. Возникнув впервые в творчестве Гиппонакта, пародия на эпос носила, несомненно, полемический характер, будучи направлена против претензий знати на политическое руководство и против эпоса, в котором она искала идеологическое обоснование этим претензиям. Однако со времен Гегемона эпическая пародия, как видно, теряет свое идейное значение и ищет чисто художественного эффекта в контрасте между эпической формой и не эпическим содержанием. Поэтому произведения травестийного плана не отказываются от применения героического стиля, но чувствуют себя в обращении с ним свободнее, чем авторы пародий в собственном смысле этого слова: Что же касается серьезной идейной оппозиции гомеровскому эпосу, то она находит себе место в других жанрах — ионийской ямбографии и афинской трагедии ⁵².

A NEW PAPYRUS FRAGMENT OF ANCIENT GREEK MOCK-HEROIC EPOS

V. N. Yarkho

The fragment (*P. Michig. inv. 6946*), published by H. Schibli in *ZPE* 53, 1983, pp. 1—25, represents a small part of a poem about the war between the mice and the weasel (or weasels) and gives occasion for speculation about the whole contents of this hitherto unknown poem and about Greek epic parody in general. Although it is clear from even this small fragment of the poem that the customary motifs of heroic epic are used in it

⁵⁰ Из 122 стихов Матрона в группы А — В входит 55 стихов (45%), в группу Г — 54 стиха (44,3%), без прямых реминисценций остается 13 стихов (10,7%). Из 271 стиха «Батрахомиомахии» в группы А — В входят всего 46 стихов (17%), в группу Г, включая и такие стихи, в которых гомеровские словосочетания встречаются в иной ритмической позиции, — 106 стихов (39,2%); в сумме группы А — Г составляют все те же 56,2%, что и в избранных отрывках. Без прямых гомеровских реминисценций остается 119 стихов (43,8%). По-прежнему остается впечатление, что Матрон и автор «Галеомиомахии» пользуются сравнительно крупными блоками гомеровского стиха, а «Батрахомиомахия» — значительно более мелкими деталями.

⁵¹ Может показаться, что сказанному о падении интереса к эпическому стилю противоречит отрывок, принадлежащий современнику Диона Хрисостома (*Brandt. Op. cit.*, p. 100—107): в нем нет ни одного стиха без прямых гомеровских реминисценций, а стихи, заимствованные целиком из Гомера, составляют свыше 58%. Однако именно преобладание целых стихов указывает, что вместе с другими, более искусными, но столь же анонимными поэтами позднеллинистического времени (см. *Crusius O. Cento.* — RE 1899, В. III, S. 1929—1932; *Lamacchia R. Praefatio.* — In: *Hosidii Getae Medea. Lpz.* 1981, p. V—VI) этот автор стоит на пороге подлинно центонной поэзии, которая расцветает пышным цветом уже на римской почве в эпоху Поздней империи. См. *Гаспаров, Рузина. Ук. соч.*, с. 198—211; *Consolino F. E. Da Ovidio Geta ad Ausonio e Proba: le molte possibilità del centone.* — Atene e Roma, 1983, v. 28, f. 3—4, p. 133—151.

⁵² См. *Jarkho V. Noch einmal zur sozialen Position des Archilochos.* — *Klio*, 1982, В. 64, S. 313—327; *он же.* Идеология архаики и ее преодоление в трагедиях Эсхила. — В кн.: *Antiquitas Graeco-Romana ac tempora nostra. Pragae*, 1968, p. 251—262; *он же.* Художественное мышление Эсхила: традиции и новаторство. — В сб.: *Philologia classica*, I. Л., 1977, с. 3—15.

(the hero killed in single combat, Olympic scheming, the mustering of troops and their catalogue, etc.), general conclusions as to the contents of a poem 900—1000 lines long, of which some 35 lines are fairly legible, must remain conjectural (the overall length is determined by stichometric marks preserved in different parts of the papyrus). In particular cases, however, comments may be made.

Schibli's proposal to identify the mouse-hero Tryx («Squeaky») with Protesilaus, who perished in the first encounter with the Trojans on the banks of the Scamander, is not convincing. In the first place, if the reading ἀκτῆ in line 4 be accepted, the picture of a steep rocky shore does not exactly evoke the landscape of the Scamander plain. Second, Protesilaus fought in full view of the Achaean hosts, whereas Squeaky was apparently killed while scouting or by an attack from ambush. Third, the slaying of Squeaky by weasel teeth brought into battle large contingents of mice (see lines 21—24, 51—54), whereas the death of Protesilaus made no change in the course of a campaign already begun. Fourth, in all sources, beginning with Homer (II. II 700, cf pap., line 7), Laodameia is described as mourning for Protesilaus, having learned of his death, whereas in the papyrus Squeaky's wife is only tormented by gloomy forebodings (lines 8—9).

As for the position held by what was presumably called the «Galeomyomachia» in the chronological sequence of mock-heroic epos, both the date of our papyrus (2nd — 1st centuries B. C.) and the growing conviction that the *Batrachomyomachia* was of late origin suggest the following order: the *Attic Feast* of Matron (end of 4th century B. C.); the «Galeomyomachia» (probably 2nd B. C.), and the *Batrachomyomachia* (1st B. C.). This order is supported by the author's stylistic analysis based on the use in these poems of Homeric stichs, hemistichs and word-combinations in the same metrical position as they are used in the epos proper. In Matron's poem the number of Homeric reminiscences amounts to 95% in the first 40 lines and 89.3% in the whole poem as quoted by Athenaeus; in the papyrus fragment it is 77%; in the *Batrachomyomachia* it comes to 57% in the 44 lines chosen for analysis because of their similarity in content to the papyrus fragment, and 56.2% in the text as a whole. One gets the impression that parody of the epos grows ever less concerned with imitation of Homeric style, turning instead to the contents of the epos as the butt of its mockery — but this not at all in the spirit of serious polemics. That task had been accomplished in the 7th — 5th centuries by Ionian iambs (Archilochus, Hipponax) and Attic tragedy (Aeschylus, Euripides).
